

Литературная ВОЛОГДА

Альманах

Балакшин Р. Бригадир землекопов Саша Головачев и
всекрыссийский президент : достоверное
повествование / Р. Балакшин // Вологда
литературная : альманах. – Вологда, 2001. – Вып. 1. –
С. 5-26.

РОБЕРТ БАЛАКШИН

БРИГАДИР ЗЕМЛЕКОПОВ САША ГОЛОВACHEВ И ВСЕКРЫСШИЙСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ (достоверное повествование)

*Мышиный король был тут
как тут, и еще отвратительней,
чем в прошлую ночь, сверкали его
глаза.*

*Э. Т. А. Гофман, «Щелкун-
чик и мышиный король»*

1

Если бы Саша Головачев знал, что произойдет сегодня с ним на работе, и что последует за тем, он бы шагу не сделал из дому — сказался бы больным, взял отгул, предпочел бы, чтоб его вообще уволили с работы, лишь бы избежать случившегося.

Но, увы, людям не дано знать будущего, как бы ни уверяли их в обратном многочисленные шарлатаны: астрологи, гадалки и ясновидцы, и миллионы людей каждое утро в блаженном неведении перешагивают порог своего дома, выходя навстречу уже ожидающим их событиям, которые ни предугадать, ни изменить, ни отсрочить невозможно.

Так было и в этот раз. Совершилось великое событие, исковеркавшее жизнь Саши и жизнь возглавляемой им бригады, прогремело громом отдаленной грозы и затихло.

Как часто бывает, великое событие началось с действий самых что ни на есть незначительных, мелких, в нашем случае из года в год повторявшихся в конце каждого месяца, когда Саша вместе с мастером участка Димой в бригадном вагончике закрывал наряды. Процедура эта была малоприятной, нервотрепной, потому что Саша добивался, чтобы сумма зарплаты была как можно больше, а мастер Дима, сдерживаемый накинутой на него уздой фонда зарплаты, не имел возможности полностью удовлетворить пожелание бригадира. Саша понимал мастера, но тем не менее сердился на него, ругался, курил папиросу за папиросой, хмуро поглядывал в окно, думая, что мужики будут вдвойне недовольны, ведь в этом месяце вкалывали как следует, ломили по-настоящему, зарплату же получают прежнюю.

А в это время в другой половине вагончика за фанерной перегородкой мужики, пообедав, рубились в домино. Слышался стук доминошных костей по столу, победные вопли: «Встать, смирно!», смех, обыденная, на которую не обращают внимания, матерщина. Вдруг воздух распорол страшный, нечеловеческий взвизг, с грохотом обрушилась на пол длинная, общая скамья, послышалась возня, хлопнула разлетевшаяся вдребезги стеклянная посуда («Литровая банка-пепельница» — отметил Саша) и вагончик наполнился частым хрустом стекла под множеством топчущихся ног.

Саша переглянулся с мастером: драка?, привстал за столом, но тут дверь приоткрылась и к ним заглянул Вовка Полетаев — неофициальный замбригадира.

— Саша,— запыхавшись, выпалил он,— мы крысу поймали. Сходи, посмотри. В шкафу сидела.

Саша внимательно осмотрел своего зама: кажись, трезвый, и, затаившись папиросой, повернулся к мастеру.

— Поищи у себя в талмуде — шестнадцатого числа за подтоварником на лесобиржу ездили...

— Саша,— позвал Вовка.

Бригадир раздраженно отмахнул рукой: досуг мне ерундой заниматься.

— Саш,— не отлипал Вовка.

— Да вы чего, дураки что ли? — разгневался Саша.— Крыс я не видел, пойду посмотреть. Убейте, да выкиньте к чертовой матери.

— Понимаешь, тут, в общем,— мялся Вовка, не договаривая что-то важное.

Бригадир встал и, скрипнув зубами, направился на рабочую половину вагончика.

Когда Саша Головачев, высокий, что называется — прогонистый, не злой, но решительный, а когда нужно жестокий мужик, оказался на рабочей половине и шагнул среди расступившихся мужиков, он, как и все присутствующие, остолбенел. В горле у него пересохло, глаза изумленно округлились, а в голове жаркий молоточек гулко отчеканил: чушь! не может быть! Между железным ящиком с гаечными ключами и переносным трансформатором, который давно собирались отправить на перемотку, прижавшись к плинтусу, действительно сидела крыса. Здоровенная, величиной с добрую кошку, со складкой жира на загривке, с длинным, змейчато елозившим по полу хвостом, но — голова!, голова у ней была — человечья. Внутри у Саши, то ли в животе, то ли в груди, то ли в самой душе что-то начало тяжело и надрывно переворачиваться, словно весь мир становился с ног на голову, пока он неотрывно рассматривал эту с хорошее яблоко голову — с ушами, носом, с четким пробором седых волос по правой стороне. Судя по полным, сытым щекам, по крошечной, с маковое семя родинке у правого глаза, по затравленному, но все же презрительному взгляду карих глаз, крыса была из начальничков. И не из малых.

Саша чуял затылком тихое, напряженное дыхание мужиков, сгрудившихся за его спиной, ловил взгляд бусинок-глаз диковинного зверя, словно шильцами покалывавшими в его сторону, и жуткая мысль, что он сошел с ума, на мгновение оледенила голову. Но что же, тогда, выходит, вся бригада чокнулась?

На половине мастера отворилась дверь. Дима шел сюда. Саша с облегчением вздохнул: мастер сейчас все растолкует, обернулся и — ах! — в этот миг зверина сгинула на трансформатор, еще прыжок и скроется в открытом окне. Саша схватил кочергу, в полете сбил уже прыгнувшую тварь на пол и одним ударом зашиб ее. Отбросив печной инструмент, двумя пальцами он поднял убитого за самый кончик гладкого, блестящего, как шнур электроплитки, хвоста, показал его побледневшему Диме, пинком открыл дверь вагончика и вышвырнул дохлятину в котлован. А потом долго, тщательно мыл руки с мылом, намыливая их до локтей, и с отвращением, звучно плевался. Когда он шмякнул урода по шее, у того отвисла нижняя челюсть и на пол вытекла потяготная, кровавая слюнка. От воспоминания о слюнке Сашу, человека вообще-то небрезгливого, крепкого нервами и желудком, едва не стошнило.

— Зря все же ты его укокошил,— в конце дня, когда Саша запирал вагончик, сказал Дима.

— Любоваться на него?

— Не любоваться, а в зверинец сдать. Это же чудо природы. Мутант. Или бы в институт научно-исследовательский подарить, пусть бы ученые с ним разбирались.

— Ученые разберутся,— недоверчиво сказал Саша,— что они по улицам завтра забегают. А как ты слово-то сказал: му...,— Саша смущенно не договорил.

— Мутант,— улыбнулся Дима.— Перерожденец, выродок. В античном мире, особенно до появления христианства, такое случалось весьма часто: то ребенок родится с головой собаки, то теленок с двумя головами. Как правило, это происходило накануне каких-либо общественных потрясений.

Саша уважительно слушал мастера. Несмотря на ежемесячно повторявшиеся сцены ругани и взаимного раздражения при закрытии нарядов, в остальное время бригадир с мастером жили душа в душу, уже восьмой год неразлучно кочуя с объекта на объект. Когда однажды начальник управления вздумал перекинуть Сашину бригаду на другой участок, Саша сказал, что лучше уволится, но у другого мастера работать не станет.

Дома Саша поужинал, вполглаза посмотрел футбол по телевизору и лег спать.

Всеми мыслями он был по-прежнему на работе, странный, несообразный зверь не выходил у него из головы. Но желание сна побороло думы и, словно в вознаграждение за пережитое, посетил Сашу чудный сон. Снилось ему, будто он в армии, и бегут они вместе с парнями из летнего полкового лагеря в самоволку. Вообще-то какая это самоволка — яблочк в совхозе-плодопитомнике поест, да с девками совхозными потрепаться, а если посчастливится, то и поцеловать какую из них. Название одно, а не самоволка. Бегут они, вьется лесная тропинка, поют птицы, солнце ласково играет на светло-медных стволах сосен. И радостно Саше думать сквозь сон, что ему не сорок лет, а снова он молодой, двадцатилетний солдат из лихой второй роты, лучший пулеметчик батальона. Вот уже близко опушка леса, вдали, за соснами мелькнули ровные ряды посадок питомника, и манящие, белые косынки девчат, как вдруг в сон тараном вперлась морда убитого сегодня Сашей крыса.

— Отвечай немедленно,— заполняя мордой пространство сна, грозно хрюкнул крыс,— почему ты так грубо обошелся со мной?

— А кто ты такой, чтоб с тобой нежничать? — машинально, не успев ни удивиться, ни испугаться, ответил Саша.

— Я — всекрыссийский президент. Особа неприкосновенная,— важно объявил упитанный крыс.

Саша поразился (И у крыс есть президенты!), но ответил, преодолевая внезапно прихлынувший к сердцу ужас:

— Тогда и веди себя по-президентски, а не шастай по шкафам, не гадь на столе.

— Ты еще поплатишься за это,— пригрозил незванный пришелец.

— Идешь ты...,— послал его Саша.— С такими, как ты, у меня разговор короткий: по мозгам и на помойку.—

И Саша повернулся на другой бок, мечтая досмотреть сон с питомником.

Однако сон не вернулся, он был сломан. В голове, как в бетономешалке, перетекала от края к краю рыхлая белиберда из марширующих солдатских сапог, ожившей фотографии на газетном клочке, очереди в магазин, морга, хохочущих, подпитых мужичков, ясного солнечного дня, и вдруг — через все это, через головоломную, не до конца понятную, но привычную кутерьму жизни протиснулось мускулистое, длинное крысиное тело. Прокатилось сквозь сон, сквозь жизнь, оставив в ней черную, с завывшим студеным, подвальный ветром дыру.

Саша обмер и — проснулся. Долго лежал в кровати, боясь шевельнуться, поднялся с постели, босиком прошел на кухню, хмуро курил у окна. Что за дьявольщина прицепилась к нему с этой крысой? До женитьбы он много лет скитался по общагам, за годы работы сменил десятка два, если не больше вагончиков, повидал и мышей, и крыс, но — чтобы сниться, да еще и разговаривать, такого не бывало.

За окном раскинулся ночной город. Цепочки светильников обозначали проспекты и улицы. В темных башнях и коробках жилых домов кой-где светились окна. И там кому-то не спится. Времени — два часа. Рассветет не скоро.

Саша выпил бутылку молока, закусив краюхой черного хлеба, выкурил еще папиросу, лег в постель в тревожном ожидании, а заснул без помех и безмятежно проспал до утра.

На работе весь день шел бетон. МАЗ за МАЗом, работали молча, курили редко. В обед кто-то завел речь о вчерашнем, обратившись к Саше, а он не захотел продолжать разговор, ушел на половину мастера, листал там газеты и журналы за прошлые годы. Шуршали страницы, мелькали знакомые, лукавые физиономии. Газетные листы пестрели зазывными, верткими, как слова фокусника, заголовками о социализме с человеческим лицом, о народной дипломатии, о рынке, о гласности. Один политик ложился на рельсы позади просвистевшего поезда, другой убеждал народ, что если всем не есть 500 дней, то наступит неизбежное изоби-

лие, третий предлагал выдать каждому гражданину по пистолету, чтоб сподручнее было обогащаться, четвертый... Все говорили, звали, обещали, но посулы правды, добра и справедливости странным образом оборачивались делами зла. Какие бы слова ни звучали, на деле продолжались многолетние, как он помнит себя, только еще более бесстыдные обман и вранье.

Утром он не посмотрел туда, мешала какая-то тяжесть на сердце, а сейчас, после газет потянуло. Он вышел из вагончика, отыскал взглядом ржавый железный лист, на который вчера шлепнулся мертвый уродец. Лист был пуст. Видимо, тело уволокли постаревшие, беспризорные кошки, ютившиеся в каналах теплотрассы, и сожрали его. А, может, это сделали сами крысы. У них такое водится.

Саше стало противно, что он думает о крысах, он плюнул, пошел прочь. А за спиной уже гудел пришедший МАЗ с бетоном.

— «Бугор», куда сваливать? — опустив стекло дверцы, кричал шофер.

— Вон, к тому колодцу, — показывал Саша. — Не весь, полмашины. Остальной к следующему.

Мужики выходили из вагончика с засученными рукавами рубах, загорелые, здоровые, веселые и, глядя на них, а потом в работе, Саша забывал ночной кошмар. К вечеру он вовсе выветрился из души. Осталось слабое, неприятное чувство озноба по коже, как если на зуб попадет песчинка, но и оно проходило.

Дома вечером Саша поужинал, посидел, как обычно, у телевизора, подымил на балконе и лег спать. Заснул скоро и только окунулся в успокоительное забытие сна, как опять увидел его. Сначала опешил, но, мигом припомнив минувшую ночь, ужаснулся всей душой в боязливый комок, затаился.

Если в прошлый раз президент был в своем природном, шкурном обличье, то сегодня он счел нужным одеться по-людски: в белую, с вольно расстегнутым, отложным воротником рубаху, серые, превосходно выглаженные брюки, светлые, летние сандалеты и модную нынче, матерчатую спереди, сеточную над головой кепку, с орлом, рогато растопырившим крылья.

— Здрассьтегосподинбригадир,— сквозь зубы прошепелявил крыс, с кислой гримаской протянул Саше правую лапку с бледно-розовыми перепонками меж шерстистых хилых пальцев. Вторичное явление гостя настолько потрясло Сашу, что он только растерянно потрянул головой в ответ.

Саша дивился на густую, плотно-серую, с искрами серебристых волосин звериную шерсть, яростно выпиравшую из ворота рубахи, и детское, паническое чувство ужаса поглощало его. Сердце пронзило неодолимое желание заорать, завизжать и — Саша проснулся.

Он порывисто сел на кровати. Испарина холодного пота проступила на лбу. Тело сотрясала частая, из глубины души восходившая дрожь.

— Шурик, ты что? — потревоженным, вялым голосом спросила в полусне жена.— Спи, родной.

Озираясь, Саша шарил испуганным взглядом по стенам, потолку, как будто крыс мог быть везде. Сердце загнанно колотилось в висках.

Сколько времени он сидел на кровати, Саша не знал. Сон одолевал его, голова клонилась к подушке, а Саша боялся лечь. Ляжет и опять увидит его — черноватые с бледными прожилками коготки на пальцах, колечко часов на запястье, золотую фикса на резцах, опухшую то ли с похмела, то ли с пересыпу ряшку.

3

Так началась для Саши Головачева ненормальная, двойная жизнь с президентом. Каждую ночь, только он засыпал, в сон просовывалась довольная морда с подрагивающими от возбуждения усиками. Затем объявлялся сам хозяин усов, вольготно разгуливал по сну, топтал его и гадил в тот самый момент, когда Саша, вспомнив себя ребенком, видел во сне умершую мать и сердце его умилялось от прежней любви к ней. Саша пробуждался, заставлял себя уснуть, а крыс уже стоял наготове с какой-нибудь мерзкой каверзой.

Саша попробовал скрыться от наваждения, заночевал не дома, а у двоюродной сестры. Жалкая уловка.

Ровно в полночь крыс прыгнул с подоконника в марлевом колпаке на голове, в клеенчатом фартуке, надетом поверх грязно-белого, заплатанного халата. Он построил из своих кургуzych, кривых пальчонков «козу», бодал Сашу в живот, противно, как нянька в яслях, сюсюкал:

— А-а, вот мы куда сплятались! А мы вас насли! Тю-тю-тю.

Саша не высыпался, приходил на работу с гудящей, распухшей от бессонницы головой, собачился с мастером, остервенело рычал на мужиков, с трепетом ожидая наступления ночи.

Укладывался в постель и долго лежал с открытыми глазами, надеясь утомить себя, чтобы крепче заснуть. Но только смыкались усталые, воспаленные веки, как тут же в первой, паутинно-нежной клеточке сна мелькал тонкий, как шило, стремительный кончик крысиного хвоста и Саша просыпался, как от удара электро-током.

На пятую или шестую ночь, изнемогая от усталости, Саша впервые в жизни принял снотворное и только чудом не лишился рассудка. Крыс не замедлил явиться и в этот сон, с удовольствием рассказывая Саше о всех его больших и малых прегрешениях, о случайных и намеренных постыдных делишках, которые есть у каждого человека. Многих из них Саша стыдился, постарался забыть и, думалось, схоронил в памяти навеки, но крыс, взломав память, выволакивал их оттуда и расписывал — привирая — с такими срамными подробностями, что Саша ужасался собственной низости и грязи. Саша жаждал проснуться, бился, как в клетке, а проснуться не мог: таблетка, отравившая мозг, держала сон на запоре.

На другой день Саша чуть не погиб на работе. Шагая с Димой по кромке котлована, он задремал на ходу, оступился, еще шаг — и полетел бы на разбитые сваебойкой оголовки свай с торчащими пиками арматурных прутьев. Почувяв неладное в его неверном шаге, Дима рванул его за рукав, оттащив от края. Очнувшись от краткого, как падение звезды, сна, ощутив резкий, рассердивший его рывок, Саша заорал на мастера, а когда тот попробовал что-то объяснить, покрыл его

таким разъяренно-похабным матом, что сам потом со стыдом изумлялся: откуда они взялись у него — эти наотмашь хлещущие, как оплеухи, слова? Оскорбленный Дима назвал его неблагодарной свиньей и убежал в вагончик.

Не понимая, что произошло, Саша все-таки смутно чувствовал свою неправоту, однако извиняться перед кем-либо было не в его характере. Долголетние, приятельские отношения с мастером были порваны напрочь.

Начались нелады и в бригаде. Бригада Головачева славилась в управлении постоянством состава, текучести в ней почти не было, к Саше просились, а он еще не всякого брал. Саша был известен, как грубый, ни с кем не церемонившийся бригадир, но человек честный, работающий, горой подымавшийся за своих мужиков, умеющий из глотки вырвать у снабженцев необходимые для работы материалы. Заработки у него были высокие. Однако за последние дни мужики стали недовольно ворчать, двое — чеканщик стыков Витя и плотник Игоряха, работники безотказные и незаменимые, напрямик сказали, что «бугор»-псих их не устраивает, они уходят.

Обычно Саша сам гнал из бригады провинившихся (за лень или несвоевременное пьянство), а тут Витя с Игоряхой бросили его. Это больно ущемило его самолюбие. Преодолевая страх и отвращение, Саша решил в ближайшую ночь объясниться с президентом.

И только показалась его усатая харя, раздвинувшая сон, спросил напористо:

— Отвечай, не увиливая, откуда ты взялся на наши головы?

— Обижаешь, мужик, — с интонацией известного прораба, громогласного верзилы, туповатого выпивохи и бабника, сказал крыс. — Я не взялся. Вы меня сами выбрали.

— Да ты что? — ахнул от такой наглой залипухи Саша и едва не проснулся.

— А вспомни-ко, браток, как год назад, — крыс назвал весенний месяц и точное число, — вы обмывали получку и кто-то сказанул со смехом: у всех есть президенты, а мы что — бедные?, давайте и мы себе выберем.

Стамеской вырубили чье-то лицо из газеты, слюной прилепили к плакату о борьбе с домашними вредителями и единогласно проголосовали «за». Впрочем, сейчас можно сказать правду. Двоих мужиков, гонцов в лавку за вином и закусью, не было, трое не голосовали (они помирали со смеху от этой затеи), один был против. И вот я перед вами, впервые за тысячу лет рабства законно избранный ваш президент! («А в бригаде десять гавриков», — подумал Саша.)

Крыс поклонился как артист на сцене и взмахнул лапками. Сегодня он вырядился в пиджак с огромным выемом спереди, открывавшим живот и грудь в белой, туго накрахмаленной рубашке. Шею его украшал размашистый, шире крысиных плеч, в три полоски галстук-бабочка, а на ногах красовались лакированные, с высокими каблуками и золочеными пряжками полуботинки.

Глядя на серого клоуна, гнувшегося перед ним, на длинные, как крылья стрижа, полы пиджака, на алмазные горошины запонок, мерцавшие в манжетах рукавов, Саша, с усилием продираясь памятью в чащобе дней, вспомнил: Да, да, было — не вранье. Вырезали из газеты, наклеивали, выбирали и даже чокались с ним. Оказывается, вот с кем! Да как же так? Почему какой-то шут гороховый, выбранный наспех, сдуру президентом, может хозяйничать в его снах, ломать и калечить его жизнь?

— До каких же пор ты будешь мучить меня? — с мольбой воскликнул Саша.

— Пока нового не выберете! — ответил притвора, торжествующе хохоча.

Саша в восторге проснулся от этой избавительной мысли: перевыбрать прохвоста и дело с концом. Но утром, обдумывая, как это совершить практически, Саша понял торжество неотвязной твари.

Кого переизбирать? Ту фигурку с прислуживленной к плакату головой, которую давным-давно вместе с прочим сором вымели из вагончика? Или ночного посетителя? Но как расскажешь о нем?

В этом и заключалась отчаянная безвыходность ситуации. Мужики, видевшие, как он собственноручно уде-
лал крыса кочергой, сочтут рассказ о лиходее его снов

чепухой и не поверят ему. Жена, выслушав такую притчу, скажет: «Дыхни»,— и когда он дыхнет, чтобы удостоверить ее в своей абсолютной, многодневной трезвости, покрутит пальцем у виска. Могли помочь врачи, у них наверняка имелось какое-то средство, чтобы эта гадость не мешала ему спать, но как человек, находящийся в здравом уме, Саша горестно сознавал: лишь только он поведает о хвостатом супостате какому угодно врачу, то на другой день жена понесет ему передачу в дурдом. И носить их будет долго — возможно, всю жизнь. Залететь в это заведение проще пареной репы, а выбраться оттуда тяжеленько.

Его мог понять и что-то посоветовать Дима, но мастер теперь и не здоровается с ним.

— Когда перевыборы? — похохатывая, осведомился ночью крыс. В драной, заляпанной грязью и брызгами раствора фуфайки, из кармана которой подмигивало горлышко чекушки, он взгромоздился на бочку из-под солярки, чадил самокруткой из прогорклой, душной махры.

— О, сволочь! — сдавленно простонал Саша.

А крыс, будто прочитав его мысли о врачах, и желая доказать, что чихать он на них хотел, этих якобы все-сильных людей в белых халатах, переселился теперь в дневную жизнь Саши, отныне не расставаясь с ним круглые сутки.

Не раз, вздрогнув, Саша наблюдал, как, запрыгнув на стол в вагончике, незримый для всех, кроме него, президент, усевшись грязным мохнатым задом на стакан, из которого опохмеляющиеся мужики сосут мутный, липкий портвейн, покуривает заморскую шикарную сигарету с золотым ободком и, верный своей привычке, гадит в стакан.

Или на собрании у начальника управления он сходил с портрета дедушки Ленина, отряхивался, как мокрая собака, умывал лапками морду, распушал усы и, прыгнув на стол начальника, шевелил под носом у него служебные бумаги.

— Прикройте дверь, сквозняк,— сердился начальник, хотя сквозняка быть не могло, форточка за его спиной была закрыта.

А президент, вскарабкавшись по лацкану пиджака начальника, устраивался на его широкой, вспотевшей лысине и, делая вид, что ищет у себя блох, то и дело зыркал лукавым взглядом на Сашу, который, как за- гипнотизированный, глядел на него.

— Головачев, ты что-то хочешь сказать? — по своему понимая Сашин взгляд, спрашивал начальник.

— Нет, нет, ничего, — покраснев, бормотал Саша, а начальник вынимал из кармана клетчатый платок, обтирал им лысину (рука проходила через крыса, не причиняя ему ни малейшего беспокойства), продолжая совещание.

И ведь сказать ничего нельзя. А ну-ка обрадуй начальника, что у него на темечке чешется крыс, и без врачей загремишь в психушку.

Саша потерял сон, аппетит, похудел. Жена заметила это. Собираясь в гости, она отпаривала мужнины брюки.

— Шур, — озабоченно спросила она, — ты что, худеешь?

— С чего ты взяла? — с напускным безразличием спросил он.

— Посмотри на ремень-то в брюках. На две дырки против старого ту же застегиваешься.

Саша ушел курить на балкон. Похудеешь тут. Всего лишь за три недели жизнь уткнулась в глухой тупик. На работе непрерывная ругань, все из рук валится, и Дима вчера сказал, как отрезал, что ему такой бригадир не нужен. Жена, почуяв, что с ним что-то такое творится, поняла это по-своему, по-бабски: приревновала его неизвестно к кому, стала следить за каждым его шагом, придирается к словам, кричать со слезами, что все мужики — мерзавцы, одно у них на уме. Раньше хоть дома была отдушина, а нынче — хоть с балкона вниз головой. И сосед по даче, домовитый, запасливый хохол, с которым они и выпивали, и на рыбалку без счета раз ездили, на днях отколол номер, толкнул речугу, что полоска Сашиного огорода за канавой принадлежит ему. Надо изменить границы участка. Саша подружески увещевал его: перестань, соседусшко, окоlesiцу нести, земля эта искони моя. Сосед, окрысившись, кинулся на него с лопатой. Саша схватился за топор. Отставной полковник, трудившийся неподалеку, бросился к ним, отвратил беду.

А президент уж тут как тут.

— Хочешь спалю его, заразу? — участливо шепнул он. Мстительно сощурившись, Саша чуть не выдохнул: «Валяй!», но смолчал. И не потому, что пожалел куруля-соседа («Так бы ему ненасытному жлобу и надо»), а усек подвох в президентском совете. Покамест крыс изводит его только по злобности своей натуры, но если он окажет ему услугу, сделает его своим должником, так он же тогда веревки вить из него станет, не отвяжется ни за какие коврижки.

А Саша верил, надеялся и ждал, что когда-нибудь просияет и для него день освобождения.

Хотя терпеть становилось все трудней, невыносимей. Не встречая сопротивления, крыс распоясался окончательно. Спал с Сашей в одной кровати, укладываясь прямо на подушку. Спал, блаженно похрапывая, а Саша заснуть не мог от этого забористого, с причмокиванием храпа и стойкого, могильно-подвального смрада, исходившего от президента во что бы он ни рядился. Проснувшись утром, крыс вместе с ним умывался, чистил его щеткой зубы, ел с ним из одной тарелки, следовал на работу (трусил рядом, как комнатная собачонка, вперед всех врвался в троллейбус и, конечно же, не брал билета), безобразничал в вагончике, а вечером устраивался на подлокотнике кресла смотреть телевизор, отпуская идиотские, не смешные шуточки.

И всюду — гадил. Всюду. Саша не знал ранее, что первойшая заповедь крысы — везде гадить. Никто не видел и не подозревал, что уютная, чистенькая квартира Саши, в благоустройство которой он вложил столько старания и любви, трудами президента давно превращена в крысиный сортир.

— Как тебе не стыдно? — не стерпев, крикнул он в сердцах этому паразиту. — Ты же президент.

— Поэтому и делаю, что хочу. Такая моя тяжкая доля, — надменно процедил крыс, явившийся сегодня в образе спортсмена: в безрукавке «адидас», фирмовых джинсах-шортах, в неизменном кепарике с рогатой птицей и с теннисной ракеткой под мышкой.

Саша, возмущившись наглой речью, хапнул этого

игрока своей цепкой ладонью, надеясь удушить гадкого негодяя, но ладонь схватила пустоту.

— Ха-ха-ха! — брызжа вонючей слюной, потешался любитель тенниса. — Близок локоть, да не укусишь.

Это была вторая попытка каким-то образом избавиться от крысы. Первая тоже оказалась неудачной.

Саша знал, что если о чем-нибудь настойчиво думать, оно рано или поздно приснится. И он думал и думал о кошке. Сибирской мурлыке, свирепой охотнице за крысами, этом ручном тигре, который выпустит кишки зловонному проходимцу.

И кошка приснилась. Именно такая, какая была нужна. С виду ленивая, полусонная, но внезапно прыгучая, с не знающими промаха и пощады стальными когтями, с глазами, в которых горел зеленый огонь смертельной ненависти ко всем дармоедам, обжиралкам и другим вредным для общества людям.

Саша предвкушал упорную битву и славную победу, а все завершилось форменным конфузом. Крыс появился в сон, с брезгливым недоумением покосился на кошку, высоко взметнул хвост и одним взмахом, как ударом бича, выщелкнул кошку из сна. Как ее и не бывало.

И ухмыльнулся, ударив лапкой о лапку.

4

На исходе четвертой недели мытарств у Саши произошла взволновавшая его встреча.

Бригадный вагончик стоял на одной из главных улиц города, и не раз, и не два сюда стучались пьянчуги, просили стакан.

— Ничего, и из горла добро пойдет, — говорил им Саша. — Больно культурные стали.

— И тебе плеснем, — прельщали они его.

— Не побираюсь. Катитесь, катитесь своей дорогой, — гнал их Саша, наученный горьким опытом, как приваживать эту публику. Пустил одного такого козла, а он втихаря рубанок спер.

В последнее время, когда торговлю водкой и пивом дозволили на каждом углу, от хануриков не стало отбоя.

И попросился к нему один мозглявенький, еле-еле душа в теле, мужичонка, с виду интеллигент. Глаза его смотрели так измученно, умоляюще, что Саша сжалился и впустил его, тем более, что президент в эту ночь свирепствовал: за то, что Саша хотел его сцапать, не дал всю ночь сомкнуть глаз.

Мужичок забрался в вагончик, достал из-за пазухи поллитровый пузырь, отковырнул гвоздем пробку, набулькал полстакана, выплеснул в рот и, занюхав рукавом, откинулся к стене. Поблекшее мягкое лицо его стало оживать: скулы и кончик носа расцвели нездоровым румянцем, разгладились морщины на лбу и по нему промчалась тень проснувшейся мысли.

— Понимаешь, дорогой соотечественник, в чем трагедия нашей жизни? — вдруг ни с того, ни с сего заявил он. — В том, что власть в ней захватили крысы.

Огорошенный Саша выпучил глаза на пьянчужку.

— Идите, — крикнул он вдогонку мужикам, выходящим после обеда из вагончика. — Сейчас догоню.

— Они захватили ее о-о-очень давно, — мужичок поднял кверху исхудавший палец, а Саша глядел на его русую, жидкую бороденку, синие, добрые глаза и ловил каждое его слово, — когда нас с тобой еще не было. Продолжительное время, десятилетия, они успешно прикидывались людьми, но грянул судьбой назначенный час, маски стали опадать, как первая листва в августе, и многие, но еще не все, далеко, далеко не все, увидели — бал на государственном корабле правят крысы. Всюду, если посмотришь детским, незамутненным взглядом, сверху до низу, от капитанского мостика до трюма, от парламента до базара, везде ты увидишь эту серую, поганую, готовую укусить тебя своими ядовитыми зубами морду. Немало средств придумано для истребления крыс: силки, отравы, капканы. Лично я с ними предпочитаю расправляться вооруженной рукой... — Мужичок поднял взгляд на Сашу и как гвоздь забил: — Лучше всего для этой цели подходит кочерга.

Саша, казалось бы, приученный президентом к самым невероятным потрясениям, смешался. Он не знал, что думать: или это сообщник президента из одной с

ним конторы, или какой-то свехумный человек, умеющий узнавать чужую жизнь.

Саша полюбопытствовал, как относится к дерзким речам гостя президент. А он расположился на его левом плече, закинув ногу на ногу в хромовых генеральских сапожках, и залихватски высвистывал игривый мотивчик. То была давняя, забытая песенка о маленькой Мари.

*— Мари не может
Стряпать и стирать.
Зато умеет
Петь и танцевать.*

— Но мало крыса уничтожить,— продолжал гость и снова наполнил стакан.— Бушш? Не пьешь на работе. Уважаю принципиальных людей. Так сказать, физицски. Надо истребить его в душе своей. Как этого достичь? Только крысам безразлично где жить: в тропиках, в Арктике или в средней полосе России. На чердаке Белого дома, в подвале ГУМа или в заурядной квартире землекопа. Недаром это отвратное племя расплодилось по всему земному шару. Настоящий же человек прежде всего любит Родину, которая у каждого человека, что бы там ни плели всякие врази, одна. Это, во-первых. Во-вторых...

Саша снова поглядел на президента, который повел себя непривычно суетливо: бросил свистеть и, вертя хвостом, уставился за окно. По губам его прозмеилась довольная усмешка. Саша перевел взгляд на улицу. По дороге неторопливо катила позорная колымага — машина вытрезвителя. Вопреки всем правилам уличного движения, она вдруг свернула налево под красный свет и наперерез потоку транспорта устремилаь к вагончику.

— Ах, дятел! Дешевка! — прошептал Саша, убирая со стола бутылку.

— Кто? Я? — спросил гость.

Дверь вагончика распахнулась.

— Пьем, значит,— поигрывая висевшей у пояса дубинкой, сказал молодой, рыжеусый сержант.— Это кто такой?

— Мой рабочий,— соврал Саша.— В отпуске он.

Сержант вразвалку поднялся в вагончик.

— А ты сам кто?

— Бригадир.

— Фамилия твоего бригадира? — спросил сержант красноречивого интеллигента и словно нечаянно уронил ногой бутылку под столом.

Гость переводил растерянный взгляд с Саши на хама-милиционера и обратно. А президент уже оседлал дубинконосца, поплеывая на лапку, заботливо, любовно приглаживал удалой чуб, выбившийся из-под козырька фуражки, укладывал волосок к волоску.

— Вот что бывает с такими болтунами,— поучал крыс Сашу, когда его таинственного собеседника швырнули в воронок и повезли.— И это еще самый благоприятный исход для него. Обычно это заканчивается более печально. А ты иди, работай, лопата с ломом тебя ждут.

Закипев гневом, Саша внимал высокомерным речам, с досадой понимая, что не может ни помочь тому бедолаге, ни отхлестать по щекам этого подонка, доносчика.

Саша худел, тошал, зато президент жирел и рос на глазах. Еще недавно он умещался на краю подушки, но всего за неделю отъел такое брюхо, что и половины подушки ему было мало. К тому же оказался привередливым обжорой. Заявил, что куриный суп и борщ, которые попеременно варила на обед Татьяна, его не удовлетворяют, ему, как особе высокопоставленной, положена по чину осетрина.

— Да что ты, пес! — взвыл Саша.— Где я тебе ее достану? Я сам осетрины в жизни не едал. Мы люди не балованные, простые. Жри ты, чего дают.

— Получишь за это один день выходной,— прервал его вопли крыс.

Целый день не видеть этого гада! Ради этого Саша был готов на все.

— Не день, а сутки! — решительно сказал он.

— Однако! — возразил крыс.— Интересно, кто здесь хозяин? — Но все же смиловался и продлил увольнительную на сутки.

Соглашение было достигнуто. Впереди светили двадцать четыре часа без паскудного надоеды! Но где раздобыть осетрины? Она продавалась только в валютном магазине, а Саша отродясь centa не держал в руках.

— Дуй в ломбард,— спустил директиву президент.

— А где это?

Наводчик дал адрес.

Саша было не поверил, но крыс не соврал — в бывшей областной станции переливания крови действительно разместился валютный ломбард. Саму станцию опустили в подвал, а на трех ее этажах гудом гудел взбудораженный люд. В те окошечки, куда люди раньше просовывали свои руки с напряженными венами, и сестра, заправив в вену толстую иглу, цедила в стерильную бутылочку кипучую кровь, теперь эти же люди подавали туда золотые часы, кольца, перстни с камнями, серебряные полтины и рубли советской чеканки и даже — русские золотые пятерки и червонцы. Такие счастливицы были в редкость, каждого из них персонально вызывали в кабинет. После беседы в кабинете одни выпархивали из него с окрыленностью во взорах, а другие с унылым выражением: чем богаты, тем и рады, и понуро брели по коридору.

Валюты, вырученной на Сашино обручальное кольцо (он носил его один день, на свадьбе, а потом жена спрятала его в шкатулку), хватило всего-навсего на двухсотграммовый ломток осетрины. И то Саша поругался из-за него в магазине с хапугой-продавцом, который завернул деликатес в толстую оберточную бумагу, а на другую чашку весов бросил клочок замасленной кальки.

— Ты с какой стати расшиковался? — напустилась на него дома жена.

— Халтуру сшиб, можно позволить,— оправдывался Саша, зло поглядывая на стол: за ним в салфетке, заправленной за ворот рубахи, уже восседал серый проглот, жадно облизывая губы.

А Сашин мозг сверлила мысль: если президент и завтра потребует осетрину, где найти денег? С безмолвным ликованием он припомнил, что в рыбацкой шарманке, в коробке с мормышками у него спрятан, завернутый в почетную грамоту, серебряный царский

рубль. Сколько раз он примеривался соорудить из него блесну, и все откладывал. Вот где рубль пригодится! На него, если крупно повезет, можно будет еще один выходной отхватить.

6

Днем дорого купленной свободы Саша распорядился с умом. Взял на работе отгул, полноценно выспался, с наслаждением вымылся в бане, пропарился до самых косточек, и уехал на автобусе в пригородный парк, чтобы там наедине с природой, гуляя по берегу реки, покуривая на скамеечке, основательно обдумать свое горемычное положение.

А оно было — хуже некуда. Жизнь разъезжалась на глазах, как гнилая тряпица. На работе — развал, дома — скандал (а что будет, когда жена о кольце пронюхает!), с соседом по даче были лучшие друзья, ныне — злейшие враги. И все из-за президента.

Из сложившегося положения было два выхода. Первый — убрать президента, и тогда вернется нормальная жизнь. Не сразу, не скоро, но вернется. Второй выход — петлю на шею. Потому что терпеть уже невольно, нервы натянута, как струна, до предела.

Размышляя в парке под сенью высоких тополей и душистых акаций, Саша видел, что президент — это не сон, как можно было предположить в первые дни. Ведь он являлся не только ночью, но и днем. Крыс был вне сна, но и вне этой, подлинной жизни, поскольку в ней он был убит изготовленной из рубчатой арматурины кочергой. Тогда получалось, что помимо сна и естественной жизни существует еще какая-то жизнь.

С трудом усвоив эту новую и даже в какой-то мере дикую для него мысль, Саша сделал вывод, что избавиться от президента можно в том случае, если ты получишь доступ в ту, иную жизнь или сможешь как-то воздействовать на нее.

Но как? Если эта жизнь лежала, что называется, перед тобой на блюдечке; если во сне, пусть и самом запутанном, можно было разобраться или, в крайнем случае, махнуть на него рукой, то на президента рукой

не махнешь, он обманом вломился в твою жизнь, сделав ее невыносимой, а сам при этом живет в свое удовольствие. Его же, президентская жизнь, для тебя за семью печатями. Вроде бы рядом она, но не проникнуть в нее, хоть в лепешку разбейся.

Весь день Саша провел в парке, два раза искупался, позагорал, но так ни до чего и не додумался. Думай — не думай, мысль утыкалась в стену, которую ни пробить, ни обойти.

Под вечер, когда истекал срок выходного дня, Саша собрался домой. Все равно домой идти надо, от президента никуда не денешься, да и проголодался Саша изрядно. За весь день он выпил в павильоне кружку пива, да съел два черствых кооперативных пирожка.

Домой пришлось тащиться на своих двоих, все денежки улетели на пирожки и пиво. Цены ежедневно взбухали как на дрожжах, он не рассчитал сколько взять наличных.

К парку примыкало старое кладбище. Саша с завистью поглядывал на кресты и тумбочки, кусты сирени у оград. Лежат себе покойнички, сложили руки на груди, о президентах знать ничего не знают.

Посреди кладбища стояла церковь. В синие церковные двери (с крестом на них) входили старухи, женщины в годах. Мужиков почти не видно. Прошел старик с красивой большой бородой, да у дверей остановился накупившийся мужчина в штанах защитного цвета.

«Что ежели о крысе у попа спросить? — подумал Саша. — Позавчера один батюшка так складно в телевизоре о бесах толковал. Может, и мой президент — бес, чем черт не шутит».

Старухи у церкви засуетились. По асфальтовой дорожке от ворот, увенчанных крестом, сюда приближался худощавый, с короткой бородкой мужчина в шляпе. «Поп», — смекнул Саша. Насупившийся мужчина у дверей поклонился, достав рукой до земли, и шагнул к попу. Тот перекрестил ему голову, а он поцеловал поповскую руку. Сашу покорило, что мужик мужику целует руку, но, видать, уж тут такие порядки.

Все зашли в церковь. Саша побродил возле крыльца, ступил за порог, однако в саму церковь зайти постес-

нялся, стоял в длинном тамбуре, наблюдая за происходившим через застекленную дверь.

В церкви горели свечи, мигали лампадки у икон, кто-то красиво пел наверху. В глубине церкви из дверей выходил поп с большой книгой, подняв ее над головой. Словно там, за этой легкой стеклянной дверью была другая страна, иная жизнь. Войти бы туда, но что-то препятствует, не пускает его.

Служба закончилась. Шагая в отдалении, Саша проводил священника до самого дома, так и не решившись подойти и заговорить. С детства он знал пропасть непристойных, пакостных частушек и анекдотов о попах, и ему думалось, что священник все это прочтет на его лице, и не то что говорить с ним не станет, а вообще турнет от себя как шелудивого, подзаборного кобеля.

А дома Саша с радостью обнаружил, что срок выходного дня истек, а крыс не объявился. Не потревожил он его и назавтра, и на третий день, и через неделю. Исчез, испарился, как ледышка на горячей плите. Несколько дней Саша вздрагивал от каждого шороха, оглядывался с трепетом на каждый мелькнувший предмет, но — УРА! УРА! УРА! — крыс сгинул бесследно. Как сквозь землю провалился.

Однако вскоре глухой ночью вспыхнула, как сноп, и сгорела дотла дачная домушка Сашиного соседа. Сгорела с импортным садовым инвентарем, с японским телевизором, с холодильником на элементах, со всем великим, в многолетии нажитым скарбом.

Еще на пожарище дымились головешки, а мужики из Сашиной бригады провожали гроб с телом своего неосторожного бригадира на кладбище. В сумерки его сбила легковая машина. Наехала сзади, когда Саша, не подозревая о беде, шел по тротуару. Он скончался на месте происшествия, не приходя в сознание. Водитель-убийца скрылся. ГАИ ведет расследование.

Когда жена Саши пришла в морг, переодеть тело любимого мужа в новую, погребальную одежду, в потайном кармашке брюк она нащупала и извлекла оттуда обручальное кольцо. Пропадая вечерами и ночами на изнурительных халтурах, Саша вызволил его из ломбарда и нес домой.